

ЛИЧНАЯ СВОБОДА И РЕФОРМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ*

Корчан Я. (Венгрия)

5. РОСТ И БЛАГОСОСТОЯНИЕ В СРАВНЕНИИ СО СВОБОДОЙ

Какова взаимосвязь личной свободы и благосостояния? (Недостаток места не позволяет рассмотреть соотношение между свободой и другими основными ценностями.) Благосостояние, разумеется, тесно связано с ростом производительности и потреблении.

Существуют две широко распространенные точки зрения. Социалистическая идеология предполагает отрицательную связь между ростом производительности и благосостоянием, с одной стороны, и свободой, с другой. Хотя она и не направлена против внутренней моральной ценности личной свободы, но требует, чтобы последняя была подчинена общественному интересу. Раз уж новый социалистический порядок установлен, то общественный интерес сводится к устойчивому росту производительности и производительности, подпитываемым ростом потребления. Личные свободы, которые препятствуют росту, должны быть приспешены в жертву общественному интересу.

Имеется много доводов, приводимых для доказательства существования дилеммы альтернативы. Наиболее значимый — это потребность в высоком уровне инвестиций, которые расматриваются в качестве главного двигателя быстрого роста. Высокие темпы инвестиций не могут быть обеспечены, если капиталовые вложения финансируются в основном за счет личных сбережений. Кроме того, такая тонкая настройка предостережения на потребительский спрос является дорогостоящей, требующей синхронизации и хронического дефицита по крайней мере одного разнообразия товаров, достаточного для уровня заводов и т. д. Бюрократическая централизация и хронические дефициты повлияют поэтому экономить на издержках тонкого регулирования**. Социальная свобода труда является причиной синхронизации высокой мобильности, которая подрывает дисциплину и ритмичность производства, а также приводит к потере навыков и приобретению опыта. Перечень аргументов может быть расширен.

С противоположной точки зрения, принятой послевоенными рыночного социализма, отмечается сильное положительное соотношение между личной свободой и ростом. Свободный выбор, свободная предпринимательская мотивация и конкуренция на рынке относятся к сильнейшим стимулам эффективной деятельности.

К сожалению, венгерский эксперимент не служит для нас убедительным доказательством. Он не дает однозначного подтверждения ни «коммунистической», ни «капиталистической» точки зрения. Без сомнения, частная продукция этого обусловлена тем фактом, что сама по себе реформа до сих пор была неосуществительной, замешкавшейся где-то на полпути в направлении

* *Предложение*. Начало — см. наш журнал, 1989, вып. 3.

** П. Уайлд, известный специалист социалистической экономики, который, конечно, не был последователем идеологии социалистической страны, написал статью [29]. Основная линия его рассуждений такова: в социалистических экономиках открывается право индивидуальным «большим» предприятиям, чем для «маленьких» или «средних», по эти экономии способны развивать высокие темпы инвестиций, а значит, и темпы роста, который в конечном счете обеспечивает большие темпы обиха влтов.

Показатели	Германская Демократическая Республика	Венгрия
1. Национальный доход в год:		
1. 1956-1968 [30, с. 77]	7,4	5,7
2. 1969-1986 [30, с. 77; 31, с. 73; 32, с. 64; 28, с. 374]	4,7	3,4
Личное потребление в год:		
3. 1954-1959 [33, с. 236, 293]	7,3	3,9
4. 1961-1974 [34, с. 465, 379]	3,9	4,7
5. 1974-1980 [35, с. 453; 36, с. 576, 726]	4,0	2,7
6. 1980-1983 [32, с. 306]	0,5	0,2

* «Национальный доход» выражает понятие чистой продукции в рамках «Системы измерения производительности» (MPS), расчетной системы, используемой в социалистических странах. «Личное потребление» состоит из всех потребительских товаров (включая услуги) и нематериальных благ, полученных в виде натуральной оплаты труда. Выбор периодов для сравнения показателей на разных этапах жизни. В Венгрии за весь период. По каждому году информации относительно недостатком личного потребления и базовый год, выбранный для дефляционной корректировки цен, независимо от переопределения статистических организаций. Несмотря на эти трудности, расчет среднегодовых темпов роста, сопоставимых для двух стран и по каждому периоду, приведен в таблице. В общем и целом представляется очевидным, что увеличение личного потребления в среднем за последние 30 лет в ГДР происходило быстрее, чем в Венгрии.

к свободе личности. В то время как дисциплина, введенная ранее бюрократией, ослабляла, а государство стало более «мягким», различные методы формирования роста, достигнутого прежде всего за счет сверхвысокого уровня инвестиций и огромных недобровольных сбережений, естественным образом оказались больше непригодными. В то же время жесткая дисциплина конкуренции пока еще не преобладает, и, таким образом, во всех сферах экономики мотивации, связанная со свободным выбором, все еще недостаточно сильна.

На этом месте можно следовать по двум альтернативным направлениям развития. Первое, характерное для консервативного реформатора, направлено на выработку программы по устранению противоречий и усилению связей между свободным выбором и эффективностью. Такая программа мыслима, без сомнения, могла бы быть многообещающей, но тем не менее мы последуем по другой линии рассуждений, которая зависит от одного предположения. Данное предположение состоит в том, что венгерская ситуация не будет оставаться неслучайной. Если не в точности по такому же пути, то в чем-то по аналогичному, вероятно, прогнившему «получили» можно ожидать развития реформ по всем другим социалистическим странам, в которых начинается процесс децентрализации и либерализации при сохранении в них политической структуры. Это предсказание подтверждается с предшествующими опытом Китая и Польши.

Поставив перед собой в явном виде следующий вопрос: если необходимо сделать выбор между исторической реальностью максимального государственного государства и посмотреть на Германию Демократическую

будет более конкретна и посмотри на Германию Демократическую Республику, где государство отделяется от каких бы то ни было реформ югославского, венгерского или китайского образцов. Это страна, в которой доформенная институциональная структура сохраняет петропную и которая при этом справлялась с деятельностью разумным и эффективным образом. Чтобы быть оправданной, венгерская реформа должна выдерживать сравнение с ГДР. С целью облегчения такого сравнения представим табл. 3, в которой даны обычные цифры темпов роста производительности и

* По-видимому, это законное сравнение. Законно сравнивать либо альтернативные условия, либо альтернативные исторические реалии. Недопустимо сравнивать исторически разный этап с другой идеальной «рыночного социализма».

требления в ГДР и Венгрии. На первый взгляд, для ГДР эти цифры более благоприятны.

Перед их оценкой необходимо сделать несколько оговорок.

Во-первых, в отношении роста могло возникнуть замечание не в пользу Венгрии*. Во-вторых, мы должны также принять во внимание, что ГДР имеет особые отношения с Федеративной Республикой Германии, которая, несомненно, вносит вклад в ее впечатляющие экономические результаты. Ни одна другая социалистическая страна не пользуется такой поддержкой, и данный факт, очевидно, объясняет долю различия.

Было бы трудно добиться точной численной оценки различия между темпами роста в ГДР и Венгрии. Чтобы поставить проблему выбора в более отчетливой форме, предположим, что имеется положительное отклонение темпов роста производства и потребления в пользу ГДР. Однако другая сторона медали свидетельствует о том, что в Венгрии личных свобод существенно больше, чем в ГДР. Несмотря на более высокое удельное потребление, индивидуальная экономическая свобода в ГДР сильно ограничена различными проявлениями дефицита**. У нас нет основательных сравнительных исследований, но наблюдатели соглашались бы, что венгерский потребитель имеет больше возможностей выбора, в основном благодаря дополнительному предложению со стороны неофициального частного сектора и более обильному импорту потребительских товаров. Что же касается бюрократических ограничений личной свободы, то различие в пользу Венгрии даже более очевидно. Сравнительные векторы характеристик для каждой из двух стран (включая такие ситуационные показатели роста и материальной благосостояния в первом измерении и ситуационный показатель индивидуальной экономической свободы во втором), можно видеть, что ни один вектор не доминирует над другим. Иными словами, мы сталкиваемся с основополагающим противоречием: выбором между большей личной свободой в сочетании с более медленным ростом производства, с одной стороны, и большим материальным благосостоянием в сочетании с ограничением на личную свободу, с другой.

Из сказанного можно во введении ясно следует, что если в данной социологической и институциональной структуре существовало бы отрывчателное соотношение или альтернатива между расширением свобод и ростом, то с некоторыми оговорками и бы выбор увеличения свобод. Другими словами, в случае неопределенного выбора между хорошо управляемой, дисциплинированной, слабой, высокоцентрализованной ГДР и более свободной и, увы, более анархической Венгрией, я бы отдал предпочтение венгерской ситуации.

Данная оценка не означает полностью одобрения всего того, что происходит в Венгрии с начала реформы. Но мне не хотелось представлять здесь критический анализ, который имеется в других моих исследованиях. В данном случае мое утверждение означает лишь то, что, несмотря на все промахи, большие трудности, тысячи ошибок, противоречий и дилемм на пути к позитиву, венгерский путь ближе моей системе этических ценностей, чем путь ГДР.

* Венгерские специалисты по статистике не убеждены, что индекс цен в Венгрии более точен, чем в большинстве других социалистических стран, включая ГДР, и лучше отражает процесс инфляции. Если это так, то это означает, что в сравнении имеет место взрыв, ставящий Венгрию в невыгодное положение, коль скоро речь идет о реальном росте.

** См. [57]. В [38] предлагается чрезвычайно любопытное исследование об эффекте вынужденного замещения. Автор поднимает следующий вопрос: «Сколько бы, самое большее, следовало возмещать семье потерянную бы заплатить за „буржуазное“ право любить удовлетворения своего производственного спроса при существующих ценах? Данный вопрос и предметом отношения к некоторым общим расходам определяется как разрыв между эффективной и производственной покупательной силой марки ГДР» [38, с. 24]. Оценка этого разрыва, основанная на тщательном экономическом анализе, составляет 13%. Так как действительное число баллов от «тонкости» расчета вынужденного замещения, то более детализированный анализ, вероятно, привел бы даже к большему разрыву. Если перевести это на понятийный уровень, нашей статьи, то речь идет о доходе, на который готов пойти гражданин ради увеличения личной свободы и потребительского выбора.

Вторая оговорка заключается в том, что указанный выбор не основан на лексикографическом порядке, согласно которому свобода ставится выше всех остальных ценностей. Я не считаю, что проблеме свободы можно решить как «да или нет». Я не готов жертвовать свободой вообще; какое-то ограничение на некоторые из ее измерений были бы приемлемы, если такая жертва необходима для значительного улучшения материального благосостояния. Но я бы не одобрил отказа от слишком большого ради слишком малого, так как я придаю очень большое значение личной свободе. Конечно, не существует какого-либо априорного количественного критерия того, что такое «слишком много» или «слишком мало». Эта этическая дилемма, в сущности, может решаться лишь от случая к случаю.

Без всяких намерений затуманить четкую моральную проблему можно было бы поставить вопрос о том, действительно ли нужна такая жертва, но крайней мере в нынешней венгерской ситуации. Очевидно, что Венгрия не на передовых рубежах в том, что касается достижения первоочередных целей, таких, как благосостояние, справедливость и свобода. Потенциально существует множество мероприятий, связанных с дальнейшей реформой, которые могли бы улучшить эффективность и материальное благосостояние без каких бы то ни было дополнительных ограничений личной свободы. На самом деле имеется достаточно изменений, на базе которых можно было бы все это сделать путем увеличения личной свободы, т. е. отмены ограничений на конкуренцию и предпринимательство.

6. ОЦЕНКИ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Комментируя позитивное описание изменений, я высказывал свое собственное оценочное суждение, однако оно имеет небольшое значение. Выгляды как раз оценки венгерского населения.

Согласно широко принятому стереотипному представлению, существуют две антиномистические позиции: бюрократия препятствует расширению личной свободы, большинство же требует этого. Действительное положение совсем не так просто.

Бюрократия — это не однородная, монолитная общественная группа. Многие ее представители амбивалентны в данном отношении. Большая их часть не желает уступать свою личную власть, но ее не заботит то, что эту власть теряют другие. Как граждане они радуются свободам, приобретаемым за последнее время: большей свободе выбирать образование своим детям или нужного им врача в случае болезни, путешествовать, приобретать потребительские товары с меньшими трудностями и т. д. Кроме того, многие представители бюрократии, и в том числе занимающие достаточно высокие посты, потеряли слепую веру в существующие институты и стали более восприимчивы к новым идеям.

Что касается венгров «улицы», то они обращают еще менее одностороннюю общность. Е. Хенкис и его коллеги из Института социологии Венгерской академии наук провели замечательные исследования, в ходе которых они опросили большую выборочную группу людей относительно их оценок и стилей жизни. Часть вопросов была идентична тем, что задавались исследователями в Социальных Штатах и других западных странах перед аналогичной выборочной группой. Испытуемым предлагалось упорядочить набор из 18 первичных ценностей; полученные результаты обобщены, с нашей точки зрения, в табл. 4. Американцы прилагают гораздо большее значение свободе по сравнению с венграми. У венгров же мир и безопасность сразу после мира и безопасности семьи. У американцев свобода следует семье тогда же на первом и втором местах, но затем пять других ценностей предшествуют свободе*. Только лишь 25% жителей Венгрии ранжируют свободу среди первых четырех ценностей.

Каково же объяснение этого поразительного различия в предпочтениях, такого относительно низко значимости, предлагаемого венграми свобод?

* Ценность свободы выше у молодых поколений, чем у старших, и людей, занятых собственным делом, или предпринимателей, чем среди занятых в государственном секторе.

Ранжирование первичных ценностей в Венгрии и США*

Первичная ценность	США, 1968 г. [40]	Венгрия, 1978 г. [41]	Венгрия **, 1982 г.
Мир	3,30 (1)	2,51 (1)	3,88 (1)
Безопасность семьи	3,81 (2)	4,09 (2)	5,30 (2)
Свобода	5,53 (3)	8,75 (9)	8,80 (8)
Равенство	8,51 (7)	9,53 (12)	9,07 (10)
Снижение души	8,75 (8)	17,70 (18)	15,47 (18)

* Количественная оценка основана на преобладающей случайной выборке, проведенной в общенациональном масштабе. Для краткости мы даем ранжирование не всех 18 ценностей, а только несложных отдельных примеров. Первое число в каждой строке — это среднее значение рангов, полученное для выборов в целом, второе (в скобках) — ранг для данной конкретной выборки 18 первичных ценностей согласно средним рангам для каждой выборки.

** Данные были непосредственно предоставлены Хамптоном и его соратниками.

Счадо для детей ветров боготе привычным покоем, при котором другие должны решать за них, и все, что им остается, так это понимать? В романе Достоевского «Братья Карамазовы» есть притча о Великом Инквизиторе, который объясняет, что люди жаждут свободы и хотят быть управляемыми верховной властью [39, с. 288—311]. Патернализм дает успокаивающее чувство безопасности и защиты.

Итак, возможно, срабатывает хорошо известный психологический эффект «зеленого винограда»: если нечто не имеет достаточно свободы, то ради спокоествия души он подстраивает свои стремления к своим возможностям и обесценивает свободу [42].

Может быть, это результат косвенного влияния образования и установок жизни народных масс? Деятельными ценностями свободы не ставятся на переходный этап нравственного воспитания. Характерно, что респонденты аргументом в пользу уважения рынка, децентрализации и других морально-привычных реформы была эффективность — перспектива достижения более высокого материального благосостояния на основе более значительных и напряженных трудовых усилий. Свобода как ценность сама по себе едва ли даже упоминалась в этом аргументе.

Табл. 4 не демонстрирует ясной тенденции за пятилетний период премены в оценке, приспосаблимой свободе. Возможно, данная тенденция изменилась после последнего наблюдения в 1982 г. и будет продолжаться или меняться в будущем. А может быть, это как раз тот случай, в котором, говоря экономическим языком, предложение создает свой спрос, по крайней мере в длительной перспективе. Венгры получают больше личной свободы, она становится для них более привычной и — некоторое время спустя — ее требуется им все больше и больше.

В обследовании вопроса ставился вопрос абстрактно, как предложение мышления ранжировать общие, первичные ценности. Вероятно, большинство венгров высоко оценивает специфические, вполне определенные личные свободы, не думая о том, что они — неотъемлемая часть более общего первичного блага, а именно личной свободы.

Это объяснение полностью подтверждается двумя исследованиями — опросом общественного мнения, проведенным в 1987 г. на небольшой выборке рабочих — «стиль воротничков» — и студентам [27]. На этот раз не предлагалось читать пикантного упорядочения абстрактных этических ценностей, но была поставлена серия конкретных, точных вопросов с целью определить, что бы показали индивиды заглянуть за былинную свободу выбора. Ответы показали довольно серьезное отношение к этой ценности.

Оказалось, что около половины опрошенных выразили желание заплатить значительно более высокую цену за следующие свободы: 1) независимый выбор начальной школы для детей вместо школы, предписанной бюрократией от образования; 2) независимый выбор врача вместо врача, назначенного бюрократией от здравоохранения; 3) выбор разнообразных телеканалов вместо существующих двух каналов. Полученные цифры не демонстрируют больших различий в ответах обеих групп, за исключением вопроса относительно начального образования. В данном случае студенты придают существенно большее значение свободе выбора, вероятно потому, что они имеют опыт, непосредственно связанный с тем явлением, которое указывает качество начального образования на их дальнейшие успехи в учебе.

Выдвижение нами ранее предположение, а именно, что венгры высоко оценивают вполне определенные личные свободы, может быть обосновано все новые возможности немедленно использовать, что показывает наличие скрытого спроса на право свободного выбора. Но анализ с теорией дальнейшего предложения можно говорить о «выявленной этической структуре ценности». Ни интеллектуальные защитники реформы, ни ее прагматические сторонники много не говорят о свободе личности; но изменение институциональной системы, исследованное в разд. 4, выделяет относительный связь моральных ценностей в пользу личной свободы*.

7. ПО НАПРАВЛЕНИЮ К «ПРОМЕЖУТОЧНОМУ ГОСУДАРСТВУ»?

Каковы перспективы? Почти полстолетия назад Ф. Хайек [43] предположил, что централизация или даже незначительные урезания личной свободы ставят общество на скользкий склоне, ведущий к полной этапизации. Он не сказал этого прямо, однако читая строки следует основательный вывод: это Улица с односторонним движением. Раз общество достигло критической точки централизации, на существование которой ясно намекает Хайек, то возврата уже быть не может. Выглядывать сегодня в его исследование, полное замечательных прозрений, подтвержденных более поздним опытом, можно, по крайней мере, заметить, что его точка зрения на «улицу с односторонним движением» оказалась опровергнутой. Дорога между анархией и полным государственным контролем, или, более точно, между минимальным и максимальным государством, является, очевидно, двусторонней, и на ней можно наблюдать большое разнообразие движений: медленное развитие в одном направлении, которое останавливается на определенном месте, чередуясь с движениями взад и вперед, и становится почти циклическим, и так далее. Как ясно показали реформы, произошедшие в стране, максимальное государство не является необратимым или конечным состоянием.

Многие специалисты по социальным экономическим вопросам и меня, предположат, что, по всей вероятности, некоторая комбинация государственного контроля и личной свободы будет эволюционировать где-то на полпути между максимальным и минимальным государствами. Мы называем это *промежуточным государством*.

С данным понятием не следует связывать какие-либо представления об «оптимальности». Начнем с некоторых нормативных идей. В дискуссионных ролях государства, проводимых политологами, экономистами и философами, указываются три функции: 1) активная правительственная макрополитика, необходимая для стабилизации, обеспечения логичной занятости и балансирующей экономической оппозиции с внешним миром; 2) привлечение внешней деятельности, требующаяся для преодоления нега-

* На это наблюдение не следует, что связь моральных ценностей выявляет институциональные изменения. В данной статье не предпринимается попытка анализа, объясняющий изменения в социальных структурах. В ней рассматриваются лишь те ценности, которые благоприятствуют институциональным изменениям. При таком подходе остаются открытым вопрос, действуют или нет эти ценности в качестве реальных мотивов.

тивных внешних эффектов и обеспечения соответствующего предложения общественных благ; 3) правительственное перераспределение дохода, предусмотренное на основании социальной справедливости и для поддержки бедных и слабых. Мы будем использовать понятие *оправданное межличностное государство* для такого состояния, при котором принятая активность ограничена моральными функциями. Как трактовать мне симпатична мера, одной из нерешенных функций. Как трактовать мне симпатична идея такого государства, что следует из указанной ранее системы ценностей. Я рассматриваю не только свободу, но также благосостояние (я имею в виду с ним рост физического выкупа, эффективности и производимости) и социальную справедливость как фундаментальные ценности. Безусловно, следует к этим личным ценностям суммировать и полностью осознавать, что нормативная идея «оправданного промежуточного государства» весьма противоречива; выполнение указанных трех функций может привести к огромному ущербу для той или иной первичной ценности. Я хотел бы быть осторожным в выборе правительственного эпитета: я обучаю «оправданное» деятельность государства и не предполагаю, что государство такого типа очевидно оправдано. Данный эпитет просто отражает тот факт, что можно было бы предложить разумные аргументы в защиту такого государства и что эти аргументы не могут быть сразу отвергнуты.

В любом случае не следует ожидать, что концепция реформы в социалистических странах будет «оправданное промежуточное государство» или же реализация какого-либо хорошо продуманного проекта, во-первых, потому что упоминуть выше функции. Конечно, это будет не по отношению к теории, а скорее к теории, а именно к теории, а именно к теории «ад хок», которое возникнет как результат близорукых политических проб и ошибок, давлений и контрдавлений, номинирований и инертных компромиссов между стремлением к свободе и социальным порядком, а также компромиссов между стремлением к свободе и социальным порядком. С одной стороны, такое государство сохранит правительственную деятельность, не нужную для выполнения трех оправданных функций, с другой — некоторые из этих трех функций могут оставаться частичными, а другие — полностью неразализованными — совершенно таким, какими они были до сих пор. Например, государство может не проявлять достаточной активности в проведении разумной политики стабилизации (функция 1) или в защите окружающей среды (функция 2), или в поддержке нуждающихся посредством социальной политики (функция 3) и т. д.

Может ли такое промежуточное государство само по себе упрочиться и может ли возникнуть в нем равновесие между противоположными давлениями в поддержку и против государственного контроля над личными свободами? *

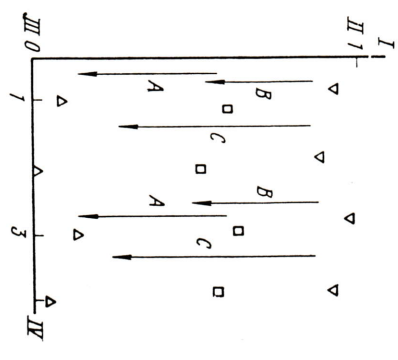
В социалистических странах действуют мощные силы, пытающиеся вернуть максимальное государство и лишить граждан свободу выбора во многих экономических сферах. Многие бюрократы, пожелавшие свою власть, желают вновь получить ее. Кроме того, потребность в административном управлении имеет также внутреннюю логику. Если в большинстве случаев государство имеет тенденцию к расширению, то в некоторых случаях оно может быть ограничено. Многие государства в настоящее время пытаются достичь. Многие государства пытаются ограничить за пределами законности тенденции к реставрации, чтобы избежать влияния оказываемой традиционной идеологии и этики, так как они пытаются с рядом нежелательных выводов, включая анархию, эгоистичный индивидуализм, стигматизацию, незабываемый доход, основанный на собственности, а не на труде, и безответственное обогащение некоторых отдельных лиц, в то время как остальные часть общества не может иметь ничего похожего на их уровень благосостояния.

Однако существуют противоположные тенденции, направленные к промежуточному (или, возможно, менее, чем промежуточному) государству. Различительная черта между законными правами личности и действиями.

бюрократически запрещаемыми и подавляемыми, не является «естественной границей». Давление обращено не на «свободу» вообще, а на конкретные направления расширения личных свобод в различных жизненных измерениях.

Сила, стремящаяся к усилению индивидуальной личной свободы, не однородна. Она состоит из различных категорий, отличающихся общепринятой философией и взглядами на приемлемое государство. Среди них и либерально настроенные чиновники, желающие смягчить строгость контроля, и просвещенные плановики, способные поучительнее организовать управление командной экономикой и предпочтительно сосредоточить внимание на нескольких основных переменных и соотношениях и при

Рис. 2. Направления, желательные для западных консерваторов и восточных реформаторов: ▽ — максимальное государство; □ — промежуточное государство; Δ — минимальное государство; А — движение, предпочитаемое западными консерваторами; В — движение, предпочитаемое «сторонниками течения» восточных реформаторов; С — движение, предпочитаемое крайними либеральными восточными реформаторами; I, II, III, IV — то же, что и на рис. 1

этом сохранить устойчивый контроль над данными показателями. Многие реформаторы полны энтузиазма в отношении государства благосостояния скандинавского типа, которое, как они надеются, будет более справедливым и более адекватным по сравнению с существующим. Кроме того, сюда входят и те, кто бы хотел выйти за пределы промежуточного государства, ближе к минимальному государству, но на данном этапе довольствуются отдалением от максимального государства в направлении большей личной свободы, каким бы значительным это отдаление не было.

Здесь необходимо сделать кратко отступление. Некоторые западные наблюдатели воспринимают восточноевропейские реформаторов как замаскированных «течеристов». Чтобы объяснить, насколько неправильно такое представление, вернемся опять к рис. 1. На рис. 2 имеются три стрелки: А — консерваторы на Западе, В и С — две группы реформаторов на Востоке. Их объединяет то, что все стрелки направлены вниз, другими словами, все они хотят свернуть деятельность государства и уменьшить свободу личности — факт, объясняющий, почему так много обществ в настоящее время или аргументации и риторики. Тем не менее различия между данными группами чрезвычайно значительны. То, что слишком много для государства и слишком мало для свободы, с точки зрения группы А, является желательным уровнем деятельности государства и приемлемым уровнем личной свободы, с позиций «основного течения» восточных реформаторов. Можно обнаружить больше интеллектуального и этического сходства между группами А и С, т. е. некоторыми западными консерваторами и некоторыми восточными «крайними либеральными», но важно также представить С, если бы репрессивные оговорки насчет «демонстрация» всех институтов, созданных максимальным и (или) промежуточным государством.

Разделение на группы В и С является чрезвычайно грубым упрощением. Даже представляющая, более правочувствительная различия течений среди реформаторов несколько упрощена. Было бы правильнее сказать, что лагеря реформаторов включает диапазон широко различающихся

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1922—1924 гг.
И ВАЛЮТНО-ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА НЭП

Маневич В. Е.

(Москва)

точек зрения, обязательств, скрытых программ и перспектив. Факт только промежуточного государства стало бы прочным, эта коалиция вполне могла бы распаться. Тогда одни группы снова бы захотели начать в определенных оплощенных движениях наверх, а некоторые другие — вниз. Противоречия могли бы стать особенно резкими по четкой линии сопоставления государственной власти с правами личности. Но всегда остра опасность обратных изменений, страх перед тем, что все может повернуться к худшему, как раз является тем цементом, который скрепляет «коалицию». В конечном счете именно такая связь может способствовать стабилизации «промежуточного» государства, в котором противоположные политические и общественные силы, идеологии и системы этических ценностей точно уравновешиваются.

Эпология такого «раннеевосточного государства» и его прочность не являются стопроцентным предсказанием. Это всего лишь, будучи из дор, которую историки могли бы поздравить. Из прогнозов не следует исключать полные или частичные повороты назад, в максималистскому государству, допускаемые по многим жизненным параметрам.

ЛИТЕРАТУРА

29. Wiles P. Growth Versus Choice // Econ. J. 1956. V. 66. P. 244—255.
30. Central Statistical Office. Ekvokuv 1970 (Statistical Yearbook 1970). Budapest, 1971.
31. Central Statistical Office, Statisztikai Ekvokuv 1974 (Statistical Yearbook 1974). Budapest, 1975.
32. Central Statistical Office. Nemzetközi Statisztikai Ekvokuv 1985 (International Statistical Yearbook 1985). Budapest, 1986.
33. United Nations. Yearbook of National Accounts Statistics 1967. New York, 1968.
34. United Nations. Yearbook of National Accounts Statistics 1975. New York, 1977.
35. United Nations. Yearbook of National Accounts Statistics 1980. New York, 1982.
36. United Nations. Yearbook of National Accounts Statistics 1982. New York, 1983.
37. Bryson P. J. The Consumer under Socialist Planning: The East German Case. New York, 1984.
38. Collier I. L. Effective Purchasing Power in a Quantity Economy: An Estimate for the German Democratic Republic // Rev. of Econ. Studies, 1986. V. 54. P. 24—32.
39. Dostoyevskiy F. The Brothers Karamazov. Harmondsworth, 1958.
40. Rokach M. Understanding of Human Values. New York, 1979.
41. Hankiss E., Mancini R., Füstös L., Szabolczi A. Kinyaszerpülés? A magyar társadalom értéktendenczeitek alaklása 1930 és 1980 között (Are we on a Forded Path? The Value System of the Hungarian Society Between 1930 and 1980). Budapest, 1982.
42. Elster J. Sont Garps — Utilization and the Genesis of Wants // Utilitarianism and Beyond 1982. P. 219—238.
43. Hayek F. A. The Road to Serfdom. Chicago, 1976.
44. Bauer T. Reforming of Perfectioning the Economic Mechanism. // European Econ. Rev. 1987. P. 132—138.
45. Bauer T. A gazdasági mechanizmus tovabbfejlesztése vagy reformja? (Reforming or Perfectioning the Economic Mechanism) // Közgazdasági Szemle, 1987. V. 34. P. 527—546.

Получила в печать
23 XI 1988

Одновременно кредитно-денежной и финансовой системы выдвигается условием как важнейшее условие проведения успешной хозяйственной реформы. В связи с этим представляется большой интерес опыт денежной реформы 1922—1924 гг., причем не только как исторический образец успешной реформы денежного обращения, источник заимствования приемов и методов оздоровления кредитно-денежной системы, но и, пожалуй, как единственная возможность проследить хотя бы в общих чертах взаимосвязь между кредитно-денежными агрегатами и показателями (масса банкнотной и каначейской эмиссии, динамика депозитов и активных операций банков, валютный паритет, уровень цен и т. д.) в специфических условиях советской экономики, которые хотя и изменились за прошедшие десятилетия, но все же сохранили ряд черт, отличных их от условий западноевропейских и американских стран: планирование производства, обращение и кредита, монополия внешней торговли, централизованное ценообразование, форсирование капитальные вложения и т. д. Специфика кредитно-денежной системы, созданной в результате денежной реформы 1922—1924 гг., заключается в том, что в ней отражена попытка сочетать традиционные черты мировой денежной системы (конвертируемость валюты, поддержание валютного паритета, регулирование кредитных и эмиссионных операций в соответствии с динамикой паритета, т. е. устойчивостью валюты) с названными выше признаками советскому хозяйству черта.

Денежная реформа завершиться весной 1924 г. вполне успешно, однако не нужно забывать, что созданная в результате кредитно-денежной и валютной системы поддерживалась всего два года — лишь до весны 1926 г. Хотя формально черноты образца 1922 г. были в обращении до реформы 1947 г., но это были уже совсем не те черноты. Денежные знаки оставались, но валютно-денежная система потеряла связь.

Исторический ход событий, связанных с реформой 1922—1924 гг., можно коротко изложить следующим образом. Накануне Первой мировой войны Россия имела устойчивую денежную систему, опирающуюся на золотое обеспечение. В обращении находилась десятирублевая полуповесяная золотая монета (червонец), свободно размениваемая на золото банка Государственного банка (кредитный рубль), серебряники и медяники монеты. С началом мировой войны золотые монеты исчезли из обращения; население принятывало их, размен банкнот на золото прекратился, выпуск «предупредительного рубля» использовался для покрытия военных расходов. Уже в 1915 г. началось все усложняющееся обеспечение рубля; в 1916 г. инфляция ускорилась, в 1917 г. стала стремительной. Весной 1918 г. «кредитный рубль» давно переставший быть действительным кредитным, но своей покупательной способности не превышал 4—5 довоенных копеек, обеспечивая таким образом, по сравнению с 1914 г. в 20 раз. В годы гражданской войны инфляция приобрела характер нарастающей лавины, темп обеспечения рубля неслыханно снизился сначала сотнями, потом тысячами, наконец, десятками тысяч раз. Инфляция породилась не только эмиссией денег, но и падением производства, сжатием рынка. Номинально денег стало больше, все больше, реальная потребность в них — все